

СВЯТЫЕ МЕСТА

ОПТИНА
ПУСТЫНЬ

ДУХОВНЫЙ ОАЗИС РОССИИ

ЗОЯ АФАНАСЬЕВА

Зоя Михайловна Афанасьева
Оптина Пустынь.
Духовный оазис России
Серия «Святые места (ЭКСМО)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9066337

*Зоя Афанасьева. Оптиная Пустынь. Духовный оазис России: Алгоритм;
Москва; 2014*

ISBN 978-5-4438-0817-8

Аннотация

Книга посвящена знаменитым великим старцам и малоизвестным подвижникам Оптиной Пустыни. Повествование охватывает разные периоды истории российской обители: и время ее возрождения в начале XIX столетия, и «золотой век» Оптинского старчества, и предгрозовую пору разорения и запустения. Во все эпохи своего существования Оптиная была и осталась тем святым, благодатным местом, которое по праву называют духовным оазисом России. Здесь искали молитвенного благословения Гоголь, Достоевский, Толстой...

Содержание

I. У истоков великой Оптины	7
Черноризец Авраамий	7
Вступление	7
Краткая биография Оптинского игумена Авраамия, им самим начертанная и включенная в прошение на имя преосвященного Евгения, епископа Калужского и Боровского (1815 год) «Дать тебе огородника Авраамия?..»	9 12
Два воза подмоги	16
Дело о мельнице	21
Пространное отступление в историю создания и поновления оптинских храмов попечением игумена Авраамия	24
Оптинское братство – на службе Богу, на службе людям	34
Нечто о личности настоятеля	39
Эпилог	47
II. Старцы и дети	48
«Всегдашний богомолец ваш...»	48
Преподобный Антоний Оптинский и его духовные дочери	48
Анна Сергеевна Банина из Спасского –	49

игуменья Аполлинария
Конец ознакомительного фрагмента.

Зоя Афанасьева

Оптина Пустынь.

Духовный оазис России

© О Афанасьева З.М., 2014

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

*Ты – Оптина! Из сумрака лесного,
Из сумрака сознания моего,
Благословенная, ты выступаешь снова,
Вся белизна, и свет, и торжество!
Я каждый камень бережно узнаю,
Иконку на столбе и старый твой паром,
Уже лепечет мне струя речная,
Уже встает за лесом отчий дом.
Твой колокол – он цел. Ты слышишь: над лугами
Плывет его протяжный, влажный гул,
И падает, и ширится кругами —
Так полно он, так медно он вздохнул...
Открыты храмы. Узкая дорога
К той паперти высокой привела
Меня и мой народ, мой горький, мой убогий,
Едва дошли мы – ноша тяжела...
Сама земля намолена годами:
Она хранит священный прах могил...
Вот по тропинке мелкими шагами*

*Идет старик: он немощен на вид,
Но блещет лик незримыми лучами,
И в львиной мощи старец Леонид,
Кротчайший к слабым, перед сильным строгий,
С учениками по лесной дороге
Идет проведать новозданный скит;
Макарий с книгой, благостный Антоний,
И с посохом тяжелым Моисей —
Стоите вы под храминой ветвей,
Написаны искусно на иконе,
Иконе леса, неба и лучей.*

Надежда Павлович

І. У истоков великой Оптины

Черноризец Авраамий

Вступление

Время, протекшее с 1764 по 1796 год, по справедливости может быть названо периодом оскудения обители: постепенно клонилась она к упадку... Даже доходило до того, что, кроме самого настоятеля, не было в обители другого иеромонаха. Уже одно это обстоятельство достаточно показывает тогдашнее бедное положение Пустыни, из которого извлечь ее могла только десница Того, Кто убожит и обогатит, смиряет и возносит во благовремени, и всегда почти непостижимым образом для человеческих мудрований.

Архимандрит Леонид (Кавелин).

*«Историческое описание Козельской
Введенской Оптиной Пустыни. 1875 г.»*

Мы увидим впоследствии, как неожиданно совершилось дело возрождения клонившейся уже к закату Оптиной Пустыни, как вступила она в жизнь новую, преобразовательную, возглавляемая человеком, на смиренной гробнице которого будет означено им самим незадолго до смерти пред-

начертанное: «Многогрешный черноризец игумен Авраамий...» Это ему, благословенному возобновителю Оптиной Пустыни, приносим мы сегодня паше признательное благодарение, делая попытку воссоздания его подвижнического жития – в назидание и вспомоществование всем труждающимся и служащим в нынешней достославной обители.

Свято-Введенская Оптина Пустынь
Свято-Введенская Оптина Пустынь

... В 1815 году завершены были строительством и освящены приделы оптинского Казанского собора – Крестовоздвиженский и Георгиевский. Эти духовные торжества были последнею радостью, увенчавшею труды боголюбивого старца. Телесные силы его заметно ослабевали, постоянная бо-

лезнь делала бремя настоятельства неудобноносимым. Это и понудило игумена Авраамия обратиться к правящему Калужскому архиерею с прошением, текст которого для нас с вами представляет сегодня несомненный агиографический (житийный) интерес.

Краткая биография Оптинского игумена Авраамия, им самим начертанная и включенная в прошение на имя преосвященного Евгения, епископа Калужского и Боровского (1815 год)

Начально поступил я, из мирского звания, Московской епархии в Никольский Песношский ¹ монастырь, в 1790 году, где и был пострижен в монашество, а равно и посвящен во иеромонаха; а из оного монастыря, в 1796 году, по резолюции его высокопреосвященства митрополита Московского Платона, определен в означенную Оптину Пустынь строителем, а в 1801 году бывшим преосвященнейшим Феофилактом, епископом Калужским, произведен в Лихвинский Покровский Добрый монастырь в игумена и в том же году ноября 25 дня, по прошению моему, и паки из оного перемещен в Оптину Пустынь на строительную вакансию; и во время моего настоятельства в оной Пустыни, при помощи Бо-

¹ Другое написание: Пешношский.

жией, присовокуплено моим прилежным старанием немалое количество прибытку обители святой, а именно: церковной утвари, ризницы и разного церковного украшения, а равно же немалое количество вновь разного монастырского строения созиждено, о чем всей братии небезызвестно и всем ближним окрестным благодетелям; а притом же небезызвестно и о том, что я одержим желудочными спазмами, и сия моя болезнь чинит мне немало препятствие и неудобство в рассуждении понесения необходимых монастырских забот по заведению общежительных образцов; а к тому же почасту бывает со мною дурнота, по причине моей болезни, от нечаянных огорчений и препятствует мне ежедневно быть в церкви Божией, отчего, по общежительному заведению, немалое бывает упущение к благоустройству братии, почему и чувствую себя быть неспособным к управлению настоятельской должностию.

Того ради, ваше преосвященство, милостивейшего моего отца и архипастыря всепокорнейше прошу: меня нижайшего уволить от настоятельской должности и позволить мне житье иметь в сей же Пустыни в уединенной келии, с тем, дабы я мог довольствоваться содержанием монастырским, как-то: трапезою, одеждою и обувью, также и дровами для келий моей; а за прилежное мое попечение и управление обителью и за понесение моих трудов девятнадцатый год не соблаговолите ли, преосвященнейший владыко, мне определить по смерти мою из общественных оной Пустыни

доходов на самые нужнейшие потребности, по причине моей болезни, для издержки по сто рублей в каждый год, то есть половинное количество жалованной суммы, положенной на оклад при своих местах игуменам.

О чем всенижайше и прошу сие мое прошение принять и по оному учинить вашего преосвященства милостивейшую архипастырскую резолюцию...

Август 1815 года.

Историограф Оптиной Пустыни архимандрит Леонид (Кавелин), извлекий в XIX веке из архивных дел это «все-нижайшее прошение», по прочтении так прокомментировал его: «Столько-то умеренны были желания этого человека, который в 19 лет совершил то, что чаще бывает делом столетия, т. е. воссоздал и поставил на прочном основании обитель, уже близкую к конечному запустению, и, невзирая на все это, руководимый христианским смирением, искал передать свой игуменский посох другому, потому что расстроенное трудами здоровье уже очевидно препятствовало ему посвящать свою деятельность на пользу обители, которую он всегда предпочитал своей собственной. Смирясь, он называл себя неспособным, тогда как признавали его необходимым; и, как милости, просил уделить себе, обнищавшему ради Христа, самое необходимое от средств обители, можно сказать, им созданных...»

Оптинский игумен Авраамий проживет в родной обители

еще полтора года и 14 января 1817-го мирно почует сном праведного. Притруженный старец погребен был под папертью Введенской соборной церкви. Но по прошествии двадцати лет, в 1837 году, с этой, южной, стороны был пристроен придел во имя святителя Николая Чудотворца – таким образом место погребения о. Авраамия оказалось уже в самом храме, что весьма примечательно. Возобновитель Оптиной Пустыни, ее духовный пестун и игумен-устроитель, мощами своими возлег он под плитами главного монастырского храма. Да нерушима будет эта древняя российская святыня – обитель Оптинская, молитвами своих упокоившихся старцев охраняемая!

Первое оптинское братство, собранное игуменом Авраамием, первые страницы истории обновленной, восставшей из запустения Оптиной Пустыни на заре XIX века... Перелистаем старинные монастырские летописи, поименно помянем по выцветшим, ветхим синодикам досточтимых отцов и братии наших.

«Дать тебе огородника Авраамия?..»

Во второй половине XVIII века Оптина Пустынь входила в Крутицкую епархию, которая территориально начиналась на подступах к Москве – от церкви во имя иконы Божией Матери «Живоносный источник» на Воробьевых горах – и продолжалась до Тарусы и Медыни в калужских преде-

лах. В 1799 году была учреждена Калужская епархия – в ее состав и вошла Оптина Пустынь. Буквально за три года до этого события, в 1796-м, митрополит Московский Платон (Левшин; 1737–1812), объезжая свои владения, посетил угасавшую Оптину Пустынь (в которой к тому времени оставалось, увы, три монаха, один из них – слепой) и нашел местоположение ее для пустынножительства очень удобным. Замысел святителя был таков: для возобновления в пришедшей в упадок обители подвижнической жизни необходимо учредить здесь общежительное насельничество. За образец решено было взять Песношский монастырь, расположенный в 65 верстах от Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, в Дмитровском уезде.

За основателем монастыря, преподобным Мефодием Песношским, сохранилось наименование – спостник и собеседник св. Сергия Радонежского. Исполняя волю своего великого наставника, Мефодий сам трудился при строительстве пустынножительной келии – «пеш ношаше» деревья через речку. Оттого-то, как говорит предание, за обителью и осталось навсегда имя «Пешноша» (или же – Песноша, для более удобного произношения).

Давайте посмотрим, как зародилась мысль владыки Платона, связавшая на какое-то время тесными узами духовной преемственности и зримой материальной подмоги две древнейшие российские обители – процветавшую в ту пору Песношу и запустевшую Оптину.

В 1795 году митрополит посетил Песношский монастырь. Пробыв здесь несколько дней, он не оставил ничего без осмотра и был изумлен повсеместным порядком и чиноположением, чистотою и хозяйственностью. Он взошел даже на высокую монастырскую колокольню для обозрения дивных подмосковных окрестностей и сказал сопровождавшему его архимандриту: «Пешноша в моей епархии – вторая Лавра». После этого посещения владыка часто стал обращаться к пещиношскому настоятелю о. Макарию (Брюшкову) с тем, чтобы он со своей братией и в других вверенных московскому архипастырю обителях «завел общежитие» по образу Пешноши. Отцы же, как свидетельствует монастырский летописец, «сделавшись настоятелями, помнили и твердо хранили общежитие пешношское». Вот к чему склонялся замысел владыки и в критических оптинских обстоятельствах. Мы приведем сейчас рассказ, который в чем-то сродни, духом своим, повествованиям древних патериков. Записан он был в Оптиной Пустыни со слов бывшего келейника игумена Авраамия – впоследствии оптинского иеромонаха отца Филарета.

«О. Авраамий, состоя в братстве Пешношского монастыря, пред назначением своим в настоятеля Оптиной Пустыни был огородником и спокойно, в простоте сердца, занимался своим послушанием, не ища и не желая ничего иного. Когда иеромонах Иосиф² отказался от должности за бо-

² Предыдущий, перед о. Авраамием, настоятель Оптиной Пустыни.

лезнию и митрополит Платон стал просить старца Макария дать в Оптину Пустынь для ее устройства совершенно способного и вполне благонадежного человека, старец с обыною своею простотою отвечал: «Да у меня нет таких, владыка святой! А вот разве дать тебе огородника Авраамия?..» Преосвященный, поняв, что хотел выразить такую оговоркою старец (т. е. что совершенства нет на свете и трудно отвечать иначе на требование: дать человека совершенно и вполне способного и благонадежного), не спрашивая ничего более, приказал представить к себе о. Авраамия. Архимандрит Макарий, спустя некоторое время призвав к себе Авраамия, приказал ему приготовиться ехать с ним в Москву для некоторых покупок, а по приезде в столицу представил его к архипастырю. Тогда только узнал о. Авраамий о своем назначении. Тщетно, по чувству смирения, отпрашивался он у своего старца о. Макария, представляя, что налагаемое на него бремя выше его сил, поставляя на вид свои немощи и болезненное состояние. Советы голутвинского³ старца Самуила и песношского Ионы убедили его не уклоняться настойчиво от звания Божия, и он вскоре отправился по назначению, напутствуемый благословениями старца и любившей его братии».

Было в то время о. Авраамию 37 лет. И тут же заметим, что так же, как и его песношский настоятель старец Макарий, был он родом из г. Рузы Московской губернии.

³ Старо-Голутвинский монастырь в г. Коломне.

«Стопы моя направи по словеси Твоему...» Путь пролегал к калужским пределам – в благословенную Оптину.

Два воза подмоги

Прибыв в Оптину Пустынь, он нашел в ней крайнее запустение. «Не было полотенца рук обтирать служащему», – вспоминал о. Авраамий. На всем лежала печать упадка и оскудения. «А помочь горю и скудости было нечем; я плакал да молился, молился да плакал».

В чем же конкретно выразалось это бедственное и жалкое положение древней обители? Расстройство внутреннее (т. е. самой монашеской жизни), расстройство внешнее... Строяния, за исключением только Введенской соборной церкви, были все деревянные: оставаясь в течение нескольких лет без поддержки, они пришли наконец в совершенную негодность, так что одна лишь братская келия (да еще настоятельская) способна была вмещать монашествующих. Братство обители состояло всего из трех человек, и в числе их не было ни одного иеромонаха; что касается новоприходящих на послушание трудников – то они здесь не появлялись уже с незапамятных времен. Казалось, конечное запустение святого места почти неминуемо. Но... «невозможное для человек – возможно для Господа». Посмотрите, как меняется тональность повествования архимандрита Леонида (Кавелина) в его исторических хрониках при одном только упоми-

нании о новом оптинском строителе: «В сем благочестивом настоятеле, двадцать лет управлявшем Оптиной Пустынью, собранная им братия видела назидательного отца, обитель – попечительного и искусного правителя, посторонние видели в нем пример истинного христианина и указателя деятельной духовной жизни».

Приснопамятный восстановитель Оптиной Пустыни, до своего «черноризства» – рузский мещанин, как свидетельствует его послужной список, «уволен обществом в монашество 1789 года, а определен указом в Песношский монастырь в число братства в 1790 году и уже в 1791-м, 6 апреля, был пострижен в монахи. Затем следуют основополагающие вехи его жития: принятие священнического сана (т. е. иеромонашество) в 1792 году и назначение строителем в Оптину Пустынь – в 1796-м...

Прожив два месяца в богоспасаемой Оптинской обители и не видя, по человеческому размышлению, ниоткуда помощи к исправлению плачевного ее состояния, «и скучая, – добавлял в воспоминаниях сам о. Авраамий, – по своей духовной родине и прежней мирной беспечальной жизни», он отправился на Песношу. И не просто чтобы открыть старцу о. Макарию свою скорбную душу, но и молить его снять непосильное бремя, коим представлялось возрождение Оптиной. Но вышло иначе.

«Старец принял меня с отеческою любовью и, выслушав мои сетования о скудости вверенной мне обители, велел за-

прячь свою повозочку и, взяв меня с собою, поехал по знакомым ему помещикам. Они в короткое время, по его слову, снабдили меня всем необходимым, так что я привез в монастырь воза два разных вещей. Возвратясь со сбора, старец пригласил меня отслужить с собою, а после служения и общей трапезы, совершенно неожиданно для всех, обратился к своему братству с такими словами: «Отцы и братия! Кто из вас пожелает ехать с о. Авраамием для устройства вверенной ему обители, я не только не препятствую, но и с любовью благословляю на сие благое дело».

По призыву старца за о. Авраамием добровольно последовали сразу же несколько человек – позднее число волонтеров от Песноши значительно увеличилось. Кроме того, к монашествующим присоединились еще и сторонние трудники. Вот так и составилось братство, которого давно уже не видела в своих стенах разорявшаяся постепенно Оптиная Пустынь. Из одного оптинского документа тех лет (а точнее – первого года обновления обители) мы узнаем имена двенадцати первых песношских отцов и братии, которые прибыли в наши края, на берега Жиздры, с богоугодной духовной миссией. Сохранила монастырская летопись и скудные сведения о том, как сложились монашеские судьбы некоторых из них.

Навсегда останется в Калужской епархии сподвижник о. Авраамия иеромонах Пимен, который после Оптиной был определен строителем в Мещовский Георгиевский мона-

стырь, а потом, уже в сане архимандрита, стал настоятелем Лихвинского Доброго монастыря, где и упокоился. Иеродикон Афанасий по посвящении в иеромонаха был одно время духовником отпиской братии, затем пребывал в отшельничестве в Рославльских лесах, а скончался в Свенском монастыре на Орловщине в 1844 году. Потрудились во славу Божию песношцы и в Малоярославецком монастыре: сначала его строителем стал о. Парфений, вскоре на смену ему пришел еще недавний послушник Максим – в иночестве о. Маркелл, а затем эту должность занял о. Мефодий, который позднее возглавит знаменитую Тихонову пустынь близ Калуги, но скончает свои дни в возлюбленной Оптиной, куда в молодости призвал его Господь к делу возобновления. И вот еще одно имя песношское: инок Макарий был сперва игуменом в Малоярославце, а потом – архимандритом, управляя обителью в бедственный для России 1812 год и труждаясь премного после разорения малоярославецкой святыни.

Казанский собор в Оптиной Пустыни

Приснопоминаемые отцы и братья наши! Только что названные поименно и те, которых мы сейчас перечислим: иеромонах Иоанн, уставщик о. Иона, о. Феодосий, которого уведет Божий Промысл настоятельствовать в отдаленный северный архангельский монастырь, иеромонахи Ферапонт, Иоасаф, Сергей и многие другие, которые придут вслед за первой песношской братией (апостольским числом двенадцать!), укоренятся в Оптиной Пустыни и в соседних с нею обителях и воспитают целую плеяду достойных иноков. Воз-

росшие в духовной школе оптинского настоятеля – игумена Авраамия, вы вознесли горе не только монастырские стены и шпицы башен и колоколни, но и людские сердца. Та тропа, которую проторили богомольцы к Оптиной в дни вашего здесь пребывания, разовьется в ветвистый путь паломнических странствий. Православная Русь сдвинется с мест в поисках духоносных старцев – мудрых наставников и милостивых утешителей.

Все это будет потом, а пока...

До утверждения на прочном основании возрождающейся Оптины иноки сии должны были бороться со многими напастьями, претерпеть и глад, и хлад, и поношения. Никто, однако же, не роптал на свою участь, и все сподвижники доблестного Авраамия, сильные единодушием, перенесли угнетающую оптинскую нужду с христианским самоотвержением. И все устроялось ко благу затеянного предприятия. Оптина оживала.

Дело о мельнице

Как часто в монастырских записках, на страницах летописи, повествующих об Оптиной Пустыни периода ее хозяйственного упадка и духовного оскудения, мелькает слово «печальный»! Однако тут же летописец оговаривается: что, дескать, и в это «печальное время» находился некий посланец Божий, который, ревнуя о сиротской обители, прояв-

лял о ней деятельную заботу. Так и один из многочисленных предшественников о. Авраамия – казначей иеромонах Арсений – снискал себе память у оптинской братии последующих лет тем, что первым рассмотрел тщательно права Пустыни на старинную мельницу и затем предъявил их гражданскому начальству. И до самой кончины своей ходатайствовал он по этому делу, дабы возвратить бедной обители главный источник ее доходов. Но дело оказалось столь запутанным, столько раз решалось то в пользу козельского градского общества, то частично – в удовлетворение иска просителей, что так и не была поставлена в делопроизводстве последняя точка. Буквально за год до вступления о. Авраамия в управление Оптиной ее священноначалие, подуставшее от скучных и отягочительных раздоров с беспокойными соседями по ту сторону Жиздры, вероятно, желая навсегда пресечь судебную волокиту, приняло решение в ущерб обители. Спорную мельницу сдали мирским в аренду с ежегодной выплатой монастырю по шестидесяти рублей. Но это стеснительное условие, к счастью, было нарушено с приходом нового настоятеля.

Итак, дело все о той же мельнице. Дело, принявшее совсем иной оборот.

В 1798 году настоятель Авраамий подал в Правительствующий Сенат прошение, в котором доказательно представил исторические права Оптиной Пустыни на примыкающие к ней земельные угодья, «равно и мельничное место». Пару лет еще потянули с окончательным решением, но все-та-

ки мельница навсегда была закреплена за монастырем. Мы предприняли нечто вроде краеведческого разыскания и установили, что этот доходный объект притязаний козельчан, старинная мельница, построенная еще в начале XVIII века иждивением братьев Желябужских⁴, находилась в предместье Козельска, на речке Другусне: рядом с плотиной стояли мельничный амбар и изба-клеть, огороженные забором. Без малого столетие монастырская мельница находилась в постороннем владении, пока не отстоял ее настойчивый отец Авраамий.

Были у обители и другие, дававшие ей постоянные доходы мельницы, о которых упоминает сам настоятель в одном из донесений Калужской консистории: на речке Сосенке, при железном заводе Масалова – с сукновальней и с постоянным двором, да так называемая «Болотская», напротив монастыря, за Жиздрой, на речке Ключо́ме. «С рыбных же ловель, – добавлял он, – и от лесу доходу никакого не получается».

Тогда чем же жил монастырь – и кормился, и строил?

Известно, что с 1797 года (т. е. практически с самого начала водворения о. Авраамия в новой для него обители) Опти́на Пустынь получала «в ежегодное милостынное подаяние» от казны 300 рублей ассигнациями – знак благосклонного

⁴ Из рода Желябужских – целый ряд благотворителей и храмоздателей Оптиной Пустыни. Среди сохранившихся памятников монастырского некрополя – надгробие с могилы болховского помещика Л.И. Желябужского, духовного сына великого Опти́нского старца Льва (Наголкина). Этот благодетель обители здесь же принял монашество и погребен был рядом со своим духовным наставником.

внимания императора Павла Петровича к русским монастырям. Пожалованы были также пруд для рыбной ловли (оказавшейся не очень-то пропитательной) на Митином железном заводе в окрестностях Ойтиной и одна из трех упомянутых мельниц – «Сосенная». Так царскою милостью была внесена лепта в начальное благоустройство обители, и братство ее на какое-то время оказалось обеспеченным в самых насущных потребностях жизни.

Но, как мы уже знаем, Оптина досталась отцу Авраамию в таком запустенном состоянии, в такой порушенности всего монастырского уклада, что приходилось очень крепко думать не только о хлебе едином, но и о подъятии духа подвижничества, о возрождении почти угасшей монашеской жизни. Введя в обители примерный внутренний порядок, отец настоятель снискал ей уважение и почтение всего окрестного населения и по мере увеличивавшихся от того средств занялся и материальным устройством – с помощью доброхотных дателей, сочувствовавших ему.

Пространное отступление в историю создания и поновления оптинских храмов попечением игумена Авраамия

Главная святыня нынешней Оптиной Пустыни – Введенский собор (по которому и называется обитель Свято-Введенской) – упоминается в Козельских писцовых книгах пер-

вой трети XVII века (когда храм был еще деревянным). Кстати, именно из них стало известно то название монастыря, которое несет в себе долю дополнительной историко-краеведческой информации: «Государево, Царево и Великого Князя Михаила Феодоровича всея Руси богомолье, монастырь Опти́н Макарьевы пустыни на реке на Жиздре, а в нем церковь Введения Пречистыя Богородицы древяна...» Появление этого названия – «Макарьева пустынь», по предположению исследователей, связано вот с чем. Подробности благодатного обращения и последующей за сим жизни легендарного отшельника Опты (в прошлом – разбойника), по неизвестным судьбам Божиим, навсегда сокрыты от нашей любознательности. Можно только домысливать «гадательно», что Опта при пострижении в монашество был наречен Макарием, почему и пустынь его (в которой, вероятно, он сам и был первым настоятелем) удержала за собою на какое-то время наименование, означенное в старинных писцовых книгах.

В 1750 году ветхий деревянный Введенский храм был разобран и на месте его был воздвигнут каменный, но, увы, в недалеком будущем, по крайней бедности обители, не могли поддерживать его в должной мере внимательности и заботливости. То убогое наследство, которое досталось нашему почтенному восстановителю Авраамию, в преизбыточно реалистичных чертах охарактеризовано в монастырском «Историческом описании». В соборном храме стекла были выбиты, и от крика поселившихся там галок с их детеныша-

ми невозможно было совершать богослужение. А при очистке собора из его глав и из-за иконостаса было вытаскано «несколько возов галочьих гнезд». Заботливый Авраамий усердно занялся восстановлением Введенского собора, как трогательно замечает историограф, «в его первобытном благолепии». Неоскудевающая рука Всевышнего, конечно же, и в это душепопечительное дело внесла свою царственную ленту. В 1797 году некий козельский поручик Ф.И. Рахманинов в храмовом приделе своего небесного тезоименитого покровителя – мученика Феодора Стратилата – вознамерился на свой кошт иконостас новый вырезать, а также вызолотить его и написать святыя образа иконным греческим писанием. С прошением «дозволить» сие и обратился о. Авраамий к высокопреосвященному Платону. Изъявленное усердие козельского гвардейца поддержано было архипастырской резолюцией: «Бог благословит! Се видите, что иные вас оскорбляют, а других Бог возбуждает к вашему утешению». Последнее замечание, понятно, относилось и к тем тяжбам, которыми пришлось заниматься новому настоятелю, и к тем добротным жертвам, коими поднималась обитель.

Главный монастырский храм и далее будет возрастать и расширяться (ибо и число братии умножалось, и от приходящих богомольцев становилось все теснее) иждивением оптинских благодетелей и старанием уже других настоятелей.

Во дни многотрудного управления обителью игуменом

Аврааимом украсилась оная трехпрестольным Казанским храмом, первый камень в основание которого был положен в 1805 году, а завершено строительство к 1811-му. Среди оптинских сказаний о чудных событиях, сопровождавших те или иные начинания в благословенной обители, обращает внимание эпизод из истории возведения Казанской теплой церкви. Мы передаем его в записи архимандрита Леонида (Кавелина).

«Во время обновления Оптиной Пустыни приснопамятным настоятелем ее о. Аврааимом, когда разбирали старую деревянную ограду, в числе прочей братии находился на этой работе и иеромонах Макарий, бывший впоследствии архимандритом Малоярославецкого Черноострожского монастыря. Он имел несчастье упасть с верху ограды, на том самом месте, где ныне утверждён фундамент Казанской церкви, и ушибся смертельно. Во время своей жестокой болезни благочестивый инок молил Пречистую Богородицу, да продлит ему лета живота; и вот, в сонном видении, увидел он себя в доме помещицы Козельского уезда, села Фроловского Елены Семеновны Сабуровой слезно молящегося пред Казанскою иконою Божией Матери, ей принадлежащей. Проснувшись после сего благодатного видения, о. Макарий почувствовал облегчение от болезни и в то же время дал, от полноты благодарного сердца, обет: по совершенном выздоровлении ехать в дом г-жи Сабуровой и отслужить там молебен виденному им во сне образу Богоматери. При ис-

полнении этого обета о. Макарием г-жа Сабурова в разговоре объявила ему, что она имеет намерение построить в одном из своих сел храм во имя сего образа, прибавив притом: «А если согласитесь устроить его в Оптиной Пустыни, то я с радостью отдам эту икону вам в обитель и сверх того пожертвую деньгами на постройку». Иеромонах Макарий, возвратясь в обитель, передал желание г-жи Сабуровой игумену Авраамию, который, приняв это известие за знак особой милости Божией к его обители, немедленно решился устроить на месте происшествия, послужившего поводом к предложению г-жи Сабуровой, теплую церковь во имя Казанской иконы Божией Матери».

Исполняя свое обещание, Е.С. Сабурова вместе с явленной в сновидении чудотворной иконой прислала о. Авраамию значительную сумму денег на церковное строение. А иеромонах Макарий, так благодетельствованный Царицей Небесной, ездил, по усердию своему, за сбором подаяния на окончательную отделку храма.

Ныне возраставшая на глазах наших, взметнувшаяся в синеву небес многоярусная оптинская колокольня в пору обновления обители была совсем иной. В монастырских документах примечательны два момента по поводу этого сооружения – архитектурной доминанты всего оптинского средоточия. Во-первых, была изначально колокольня «готической архитектуры», во-вторых, имела самое непосредственное отношение к пришедшему в Оптину Пустынь деятель-

ному и расторопному настоятелю (недаром закрепилось за ним – «учредитель и зодчий»): «Построена в 1803 году тщанием игумена Авраамия, на мирское подаяние».

Нынешняя, завершенная отделкой, колокольня пока еще не имеет никакого живописного оформления, а потому небезынтересно вспомнить, какие значимые, дивные иконы украшали ее Святые врата, расположенные в нижнем ярусе: с наружной стороны сиял над ними образ Господа Саваофа, а с внутренней, т. е. со стороны монастырского двора, – Знамения Пресвятой Богородицы. Этот образ Пречистой по иконографии восходит к древнейшим Богородичным иконам. Так, в катакомбах святой Агнии в Риме имеется изображение IV века Богоматери с молитвенно распростертыми руками и с Предвечным Младенцем на коленях. «Степной неборимой» называли эту икону, так что место ее на монастырских вратах выбрано не случайно: «Радуйся, иноческих обителей покров и снабдение, радуйся, благодатное ограждение!...»

С верхних ярусов колокольни открывался (как впрочем, и сегодня) прекрасный вид на Козельск и его окрестности, утопающие в благоуханных яблонево-садах и прорезанные лентообразно извивающимися речушками – малыми питательницами быстротекущей Жиздры. А среди колоколов был один, праздничный, увековечивший даже имя игумена, столь плодотворно способствовавшего Оптиной: «Колокол сей устроен в Козельскую Введенскую Оптину Пустынь 1815

года февраля 23 дня. Лит в Туле, на заводе Черниковых; весу в нем 213 пудов... при игумене Авраамии. Мастер Аким Воробьев».

СВЯТЫХ ПАТРИАРХОВЪ СТАРОЦЕВЪ ОПТИНСКИХЪ

Преподобные старцы Оптинские

Что построено еще, что поновлено и дополнено в авраамиевское зиждательное двадцатилетие?

Упомянем церковку Владимирскую в глубине монастырского двора, – искусной архитектуры, крестообразная, с полукружными боковыми завершениями. Даты сооружения – 1809–1811 годы, строительный материал на постройку пожертвовал надворный советник Петр Петрович Камынин. В храмовых полукружиях устроено было шесть келий для помещения «больничной братии». («Здесь престарелые и слабые старцы находят себе отраду, помощь и удобство к духовной жизни», – замечает летописец.) Церковь так и называли – больничная.

Не забудем, к чести строителя-игумена, рассказать и еще об одной примечательной постройке, своеобразной монастырской святыне, овеванной оптинским духом любви, назидательности и мудрости. Речь пойдет о доме настоятеля – до наших дней сам корпус не дошел, но зато долгие годы (дожив до нынешнего возрождения Оптиной) сохранялся «домик-близнец», точь-в-точь повторивший в 1819 году постройку совсем недавнего настоятельства Авраамиева.

По правую сторону от больничной церкви во имя Владимирской иконы Божией Матери располагался «корпус настоятельский, деревянный, на каменном фундаменте». Просторными сенями разделялся он на две половины: справа – покои настоятельские о четырех комнатах, а слева – келии братские (числом тем же), размещались в них келейники

игумена. Дата постройки – 1812 год, расцвет созидательных трудов игумена Авраамия, положенных в основание благополучия врученной ему «на поправку» и ставшей родной обители. У дома с мезонином было и свое «парадное» назначение: предназначался он для отдохновения (в келиях второго этажа) посещавших Оптину архиереев. Кстати, на сей раз в качестве благословляющего зодчего выступил сам епископ Калужский и Боровский – преосвященный Евлампий, по плану которого и был выстроен настоятельский корпус. (В Оптиной он желал провести остаток дней своих в молитвенном покое.)

Два старинных изображения – дома настоятеля и его приемной келии – хотя и относятся ко времени преемников игумена Авраамия (сразу же следующих за ним), все-таки сохранили обаяние эпохи возрождения Оптиной первой трети XIX века во всей красе новизны, упорядоченности и монашеского благолепия.

* * *

Замечательно, что все основные монастырские постройки, воздвигнутые под смотрением отца Авраамия Оптинского, по своему расположению относительно друг друга составляют правильное подобие креста. Так и в зримом образе обители утверждалась спасительная мысль о крестоношении – как главном подвиге монашества.

Оптинское братство – на службе Богу, на службе людям

Шел 1808 год. Внешнее устройство обители, ее новые храмы, братские корпуса, разведенный внутри монастыря фруктовый сад и многие другие усовершенствования говорили сами за себя: расцвет Оптиной радовал богомольную Россию. Но у настоятеля вместе с тем появилась и новая скорбь. Вверенная ему обитель жила по законоположению о монастырских штатах 1764 года, которое предписывало содержать в Оптиной Пустыни... не более семи монашествующих с настоятелем! И не было у игумена прав взять под свой кров желающих принять иночество, даже тех, коих он почитал достойными. Посоветовавшись с единоклюбною братиею, о. Авраамий решился выйти с очередным прошением – на сей раз на высочайшее имя: у государя императора Александра Павловича испрашивалось благоволение об умножении числа оптинского братства.

«Оная Пустынь, – писал настоятель, – издревле состоит на своем пропитании... Положено семь братии и с настоятелем, кои едва могут совершать Божественные Литургии, а иные посещением Божиим бывают одержимы болезнями; почему священнослужение отправляется с крайней нуждою, и через оное, стекающимся в число братства разного звания людям, равно приходящим из разных мест богомольцам, наносится

ощутимое прискорбие; почему я, движим ревностью к Богу, хотя и желал бы всеусердно доставить тем стекающимся слушателям душеспасительное удовольствие каждодневным совершением Божественной Литургии, но иногда оного выполнить не можно, по малобратственному числу...»

Отец настоятель сожалел о том, что желающие воспринять на себя монашеский чин, по неимению праздных вакансий, «с великим прискорбием выходят вон» – удаляются из обители. А в ней к тому времени собралось уже до пятидесяти человек, которые неотступно просили игумена «о водворении их в монашеском чиноположении». Он же, в свою очередь, смиренно испрашивал «прибавить 23 человека, чтобы составилось тридцать – комплект на братство».

По ходатайству преосвященного Феофилакта, епископа Калужского, благочестивый монарх всемилостивейше удовлетворил оптинское прошение. Воодушевленный настоятель, как замечает летописец, и в последующее время не ослабевал в трудах своих и попечении о благе обители. С увеличившимся братством и церковные службы обрели полноту и благолепие. Вот что нам известно об этом с тех давних лет.

Еще с 1795 года в Оптиной был введен устав Песношского монастыря (предшественником о. Авраамия – строителем Иосифом) – тридцать лет по нему и правилось храмовое богослужение. И только при настоятельстве преподобного Моисея Оптинского на смену пришел устав Коневского мона-

стыря⁵. Служились ежедневные литургии, вечерни, после вечерней трапезы вычитывались молитвы и помянник с поклонами. Пение клиросное было старинное, столповое. В Оптиной издавна с особым тщанием относились к поминовению усопших благодетелей обители: древнейший из синодиков – от 1670 года, а всего поминалось по четырем помянникам более 50 тысяч имен. Так что завет упокоившихся исполнялся неопустительно – и на проскомидии, и на литиях, а также во все субботы вселенские.

Был еще заведен трогательный общежительный обычай: в конце каждого месяца отправлялась братская панихида по отцам и братьям святой обители сей, ежегодная память которых приходилась на данный месяц.

Но, видно, сильно докучала врагу спасения рода человеческого обновлявшаяся и возмужавшая в духе Оптина, что он с первых же шагов ее преуспевания стал вламываться в мирное течение монастырской жизни, мобилизуя в ряды своих приспешников человек злых и нерадивых. Не будем идеализировать прошлое: во все века находились гонители и лихоимцы, обманщики и корыстолюбцы, которые поругание святыни за грех не считали и страхом воздаяния обременены не были. Козельские обыватели, инвалидные солдаты, подраспустившиеся крестьяне наносили обители постоянный ущерб, а братии – всегдашнее огорчение. В подтверждение невыдуманности обличений наших – вот подлинная

⁵ Расположен на острове Коневец в Ладожском озере.

грамотка жалобная самого батюшки Авраамия, в которой по пунктам перечисляются «ущербы и беспокойства» со стороны козельчан и деревенских. Это у труждающихся-то монахов, по бревнышку и по кирпичику поднимавших древнюю русскую обитель, – и лес воруют, и на монастырских хуторах ловят рыбу «усильственно», рубят хворост и выкашивают луга обительские. К примеру, доподлинная жалоба: «Сего мая 7-го числа увели пару монастырских лошадей, и хотя воры уже нашлись, но козельские присутственные места не делают обители никакого вспоможения, а паче оных воров защищают». А это уже ближе и понятнее нам, нынешним, в нашей территориально приоптинской жизни: «Летом ходят по нашим [монастырским] дачам и поют песни, что во время божественной службы слышно в церкви...» Удивительно, далее последует то, что сегодня, увы, уже кажется анахронизмом! Оптинская челобитная дошла до калужского губернатора А.Д. Облеухова, и по его предписанию велено было местному начальству «взять надлежащие меры для ограждения целости монастырских владений». Но самое главное: «подтвердить козельским гражданам, дабы они хранили должное к обители благоговение». Не осталась в час искушения и сама братия монастыря без мудрого духовного вразумления владыки Платона – да не уповали бы чрезмерно на человеческие средства защиты и вспоможения: «Святая монашествующих жизнь все сии напасти или отвратит, или терпением препобедит, а Бог, видя терпение рабов сво-

их, невидимо защитит».

* * *

И завершая эту главу, присовокупим то небольшое, что известно об Оптиной в грозный 1812 год, обуреваемый наше- ствием иноземцев на Россию и вторжением их в калужские пределы. Тишина безмятежная оптинская огласилась стена- ниями сокрушенных сердец при первых же вестях о бед- ствиях Отечества. Храмы обители, открытые с утра до глу- бокой ночи, были полны народа, который слезно молился, да сотворит Господь со искушением и избытие. Игумен Ав- раамий принял некоторые необходимые меры предосторож- ности, собственно от него зависевшие. Церковную утварь, содержимое ризницы, монастырскую библиотеку уложили в сундуки и спрятали в специальной палатке под соборной церковью. В пятнадцати верстах от обители братия прииска- ли в дремучем бору, окружающем Пустынь, недоступный по положению своему овраг с пещерой, чтобы удалиться в него на первый случай при возможном появлении врага. Но вра- жеские полчища были остановлены у Малоярославца и об- ращены в бегство – Бог отмщений пролил на святотатцев ча- шу своего праведного гнева. В тот победоносный день слу- жились в Оптиной Пустыни благодарственное коленопре- клоненное молебствие, и своды Казанского храма оглаша- лись хвалебными песнопениями в честь Заступницы Усерд-

ной, имущей державу непобедимую. Торжество церковное завершилось крестным ходом вокруг обустроившейся, разросшейся обители. Ликовал и древний Козельск, спасшийся от нашествия нового Батыя под щитом своей священной твердыни – обители Оптинской.

Нечто о личности настоятеля

Назначением настоятеля преобразовываемой Оптиной Пустыни о. Авраамия опытный песношский старец Макарий вполне оправдал доверенность и боголюбивое желание Московского митрополита Платона (Левшина). Оптина восстала – если и не из пепла, как в нынешнее ее второе возрождение, – то, по крайней мере, из «сени смертной».

Но так ли гладок и последователен был личный, протяженностью в двадцать лет, оптинский жизненный путь игумена из подмосковной Песноши? Отнюдь нет. Судите сами даже хотя бы по перепадам вот этих хронологических данных.

В 1796 году начинает о. Авраамий свою трудническую и многопопечительную деятельность в Оптиной Пустыни. И уже через три года, в 1799-м, как только открылась Калужская кафедра и возглавил новую епархию ее первый епископ – преосвященный Феофилакт, он-то и устремил свое заинтересованное внимание к возрождающейся обители. А глубже и точнее – к труждающемуся настоятелю. И когда в сле-

дующем, 1800 году, московской купец Терентий Целибеев пожертвовал солидный капитал на возобновление еще одной древнейшей калужской святыни – Малоярославецкого монастыря, владыка призвал о. Авраамия и поручил ему... опять-таки начальное, из мрака забвения выводящее устройство сей обители: «яко человеку в общежитии довольно обращавшемуся и сведущему в распоряжении строения общежительных монастырей». Поручение исполнено с успехом и по проложенному оптинским отцом пути пойдут его же выученики: иеромонах Оптиной Пустыни Мефодий будет поставлен на должность строителя Малоярославца (позднее переместится в Калужскую Тихонову пустынь), а на смену ему придет все из той же «Оптины» иеромонах Парфений. Еще один год трудов и дней оптинских – и «за отличные услуги обители к общей пользе» о. Авраамий поставляется в игумены, но... уже другого, на этот раз – Лихвинского Покровского Доброго монастыря, правда, с одновременным управлением и родной Оптиной. Батюшке всего лишь 42 года, а непомерность трудов и забот дает себя знать. Но не только просто человеческая немощь, но разумное пастырское опасение, как бы не нарушилось заведенное им в Пустыни благоустройство, подвигли отца Авраамия отказаться от нового достоинства. Преосвященный уважил просьбу «старца» (именно так он и назван в монастырской летописи!), и о. Авраамий по-прежнему был оставлен начальствовать только в одной Оптиной, но уже – в игуменском сане.

Славный бытописатель Оптиной Пустыни, ее бывший постриженник и трудник на книгоиздательской ниве, архимандрит Леонид (Кавелин) по крупницам собрал – из устных преданий и библиотечных рукописных сокровищ – все, что касалось незаурядной личности оптинского настоятеля. Реконструированный портрет привлекателен прежде всего своей достоверностью.

Как начальник братства, им самим собранного, о. Авраамий был строг и взыскателен, но отнюдь не своенравен. Вводя в поднимаемой обители новый порядок образцовой нестяжательной жизни, он сам был строгим блюстителем сего и личным примером воодушевлял и подвигал к точному исполнению монашеских заповедей в делах общежития, а также и своих начальнических приказаний и распоряжений. Иноческая прямота диктовала и стиль обращения с братией: каждый в своих личных нуждах без посредников, коих не жаловал, мог обратиться к нему, за что и любили его оптинцы. А его сердечное простодушие, соединенное с духовной мудростью и увенчанное достойной жизнью, внушало к нему невольное уважение. Радужный и приветливый, милостивый и сострадательный, без всякого даже намека на корыстолюбие таким он запомнился многочисленным посетителям обители.

Главная святыня Оптиной Пустыни – Введенский собор

Сохранился замечательный документ – подлинная «Духовная грамота», написанная рукой «многогрешного черно-ридца игумена Авраамия», в которой ясно запечатлены лич-

ные свойства достопочтенного старца. Составлена она была еще в 1810 году (т. е. за семь лет до кончины), во время болезни батюшки, а вскрыта уже при его погребении. Вот уже воистину – ни во что не вменяя земное тленное, собирал он и в этой юдоли перлы небесные для жизни вечной!

«Сею духовною грамотою моею вестно сотворити всякому, иже восхоцет по кончине моей взыскивати имения моего келейнаго, во еже бы не трудитися ему вотще и не истязовати служивших мне Бога ради; да весть мое сокровище и богатство, еже от юности моя не собирах; ...бо приях святыи иноческий образ... и обещах Богови нищету изволенную имети, оттого времени даже до приближения моего ко фобу, не стяжевах имения и не лихоимствовах – кроме святых книг... Входящая же в рuce мои от благодетелей святыя обители сея подаяния, и тыя истощевах на монастырския нужды для братии и разныя постройки, также иждивах на нужды нуждавшихся...»

Смирение и уничтожение болезнующего отца были столь велики, что в своей грамотке он считал нужным оговорить и условия личной посмертной доли: дескать, если такого нищего никто не захочет предать обычному погребению (т. е. по монашескому чину), то – «да отвлекут мое грешное тело на козельское кладбище, и тамо между труниями да повергнут...» И как луч надежды в собственной худости и никчемности – а вдруг будет «владычествующих изволение», тогда, конечно же, здесь, дорогие мои христоролюбивые погребатели,

«в сей Оптиной Пустыни у соборной церкви, по правую сторону, против южных дверей упокойте меня»! Что в точности и исполнила благодарная оптинская братия.

«Духовная грамота» была составлена о. Авраамием 19 августа 1810 года – «в богоспасаемой обители Козельской Введенской Оптиной Пустыни в игуменской келии». А в феврале 1817 года при составлении описи личного имущества почившего настоятеля присутствовавшие при этом удостоверились в истинности нетщеславных признаний отца оптинского. И поставили под документом собственноручные подписи: благочинный города Козельска протоиерей из Свято-Духовского храма Афанасий Пашков и иерей Вознесенской церкви (оставшейся от бывшего здесь когда-то Вознесенского девичьего монастыря) Андрей Виноградов.

Казалось бы, бесстрастный «номенклатурный» перечень личных вещей отошедшего отца, что можно извлечь нашей любознательности из этой описи! Но, не имея ни одного портрета, запечатлевшего возобновителя Оптиной Пустыни, довольствуемся и этим малым. Вот батюшкин подрясник полусаржевый да ряска добротная – «плисовая черная на лисьем меху»; сапоги козловые, чулки шерстяные и в придачу олени рукавицы; не забыты шапка хорьковая и меховая муфта, чтобы помнили о тех снежных, выюжных «закрутках», которые и сегодня, в январе-феврале, прокатываются по жиздринским холмам на подступах к Оптиной.

И приложено было к этому незавидному наследству со-

кровище, чтимое почившим и бережно хранимое, – портрет архимандрита Песношского монастыря Макария (Брюшкова), чье промыслительное давнее благословение предопределило «огороднику Авраамию» быть аввой оптинским.

Оптинец следующего поколения восстановителей монастырской славы, иеромонах Евфимий (Трунов) нашел в книгохранилищах обители объемистую старую рукописную книгу, озаглавленную так: «Памятная записка о скончавшихся и погребенных в Богохранимой Обители (нашей) и в Ските св. Иоанна Предтечи, находящемся при оной». Заинтересовавшие его записи он внес в свой дневник. Воспользуемся теми, которые относятся ко времени правления в Оптиной о. Авраамия.

«30 апреля 1815 года, пополудни в 4 часа скончался схимонах Иоанникий на 55-м году от рождения. В монастырь поступил из пономарей Жиздринского уезда, села Толстошева в 1802 году; пострижен в мантию 1806 года марта 29-го, а в схиму в 1810-м в апреле месяце. В послушании трудился при пасеке, бывшей в монастырском лесу. При сей пасеке уединенная его келия послужила первым основанием уединенной жизни, ибо на сем самом месте⁶ в 1819 году⁷ построен ныне существующий Скит, и даже доселе соблюдена в

⁶ Несколько южнее; келия осталась за пределами скита, а потом была перенесена за ограду – как «памятник».

⁷ Точнее – в начале 1820-х гг.

целости попечением настоятеля⁸ та самая деревянная келья, в которой жил схимонах Иоанникий. В иноческих подвигах преуспевал, в особенности послушанием, тихостью и кротостью с блаженной простотою и незлобием; имел нелицемерную любовь к настоятелю, игумену Авраамию, и ко всей о Христе братии; к церкви Божией притекал первый и исходил последний. По добром подвиге о спасении души своей почил блаженно о Господе с напутствием всех потребных для вечной жизни Таинств. Тело погребено 2 мая, в воскресный день. Многие из окрестных жителей память его доселе почитают служением на его могиле панихид о упокоении его души».

Далее следует «ремарка» автора дневника, о. Евфимия: «А вот и возлюбленный схимонахом Иоанникием настоятель его, игумен Авраамий!» В рукописной «Памятной записке» читаем: «Умер в 12-м часу ночи 14 января 1817 года настоятель нашей Пустыни, игумен Авраамий, на 58-м году от рождения, положивший первое основание возобновлению обители. Погребен в южной паперти Введенского собора. Теперь, с расширением храма, место его погребения вошло внутрь придела во имя святителя Николая Чудотворца. Над местом тем ныне икона Введения Богоматери в киоте и пред нею лампада».

И завершая запись, относящуюся к поре Авраамиевой, Трунов от себя добавляет: «Блажен, триблажен игумен свя-

⁸ Игумен Моисей (Путилов).

тый, сотворший волю Господа своего!..»

Эпилог

После праведной кончины возобновителя Оптиной Пустыни игумена Авраамия только два года управлял обителью ближайший его соратник, единоклубный брат еще по Песноше, о. Маркелл. Потом некоторое время будет возглавлять монастырь игумен Даниил – из экономов Калужского архиерейского дома. А в 1825 году начнется, можно сказать, новая оптинская пора – настоятельского служения отца Моисея (Путилова), будущего преподобного. То была целая эпоха невиданных дотоле внутримонастырских преобразований, зарождение скитской отшельнической жизни по образу древних, насаждения в Оптиной благодатного старчества – по примеру афонских киновий. Но возможно все это стало в силу того, что путь предшествующих нововведений, коренных переустройств и закрепление совершенного на прочном основании послушания, трудолюбия и нестяжания – был уже пройден. И среди тех, кто приуготовлял оптинскую ниву для нового плодоносного сеяния в ожидании обильных всходов, был наш возлюбленный отец – черноризец Авраамий. Да помянет его боголюбивый читатель в своих святых молитвах.

II. Старцы и дети

«Всегдашний богомолец ваш...»

Преподобный Антоний Оптинский и его духовные дочери

Преподобный Антоний Оптинский, как великий любитель безмолвия, желал всегда проводить уединенную пустынножизненную жизнь в любимом скиту Оптиной Пустыни в молитвенных трудах, чтении и богомыслии. Он часто повторял, что, когда остается один в келии, тогда бывает у него «праздник на душе». По глубокому своему смирению он всегда хотел уклоняться от учительства, тем более что в Оптиной уже был известный старец, пользовавшийся всеобщим уважением, – иеромонах Макарий (Иванов), который по назначению великого старца Льва (Наголкина) духовно руководствовал всех прибегавших к нему. Твердое желание о. Антония было – считаться не более как человеком частным, живущим в обители (с 1853 года) на покое. Но духовные дарования его, растворенные тишайшим смирением, привле-

кали к нему всех – и скоро келия его стала наполняться множеством посетителей, желавших принять от благодатного старца духовное назидание в обогащение души своей.

История взаимоотношений дивного оптинского батюшки с его ближними и дальними чадами сокрыта в дошедших до нас письмах преподобного, в воспоминаниях монастырских братьев и насельниц окормляемых им женских обителей. Мы заглянули в эту нескудеющую сокровищницу – и обрели дары нетленные! Так не утаим же их под спудом, поделимся с благоговейными читателями – в воспоминание о той бескрайней щедрости, с которой расточал свою любовь досто-блаженный Оптинский старец авва Антоний.

Анна Сергеевна Банина из Спасского – игуменья Аполлинария

*В светлосном ореоле русского православного монашества почившая игуменья Аполлинария стоит величава, лучезарна и прекрасна... Преданная и не изменившая внутреннему голосу, призывавшему и увлекавшему ее на подвиги иночества, она возвеличила духовно-нравственные стихии тех монастырей, где служила...
Священник В. Бажанов. 1908 г.*

Повествуя о последних днях земной жизни Оптинского старца схиигумена Антония (Путилова), его жизнеописа-

тель, постриженник Оптиной Пустыни о. Климент (Зеде-гольм), отметил одно частное обстоятельство. «Дня за три до его кончины пришла одна духовная дочь, которая, видя его тяжкие страдания, изнемогала от скорби и душевно и телесно, а потом еще тревожилась мыслию, не оскорбила ли она когда чем старца, вопрошать же его о чем-либо уже более не решалась. Когда она вошла к нему принять его благословение, то умирающий старец взял ее за руку и торжественным голосом как бы в ответ на ее мысли сказал: “Будь совершенно покойна, ни о чем не думай! Вручаю тебя покрову и заступлению Царицы Небесной; ей тебя вручаю”».

Этой духовной дочерью была известная в XIX веке подвижница Анна Сергеевна Банина, полагавшая начало иночеству в знаменитой российской обители – подмосковной Зосимовой пустыни и завершившая свой многолетний монашеский путь игуменией Аполлинарией, настоятельницей Осташковского Знаменского монастыря в Тверской губернии. (По принятии схимы была наречена Амвросией.) И когда мы читаем у того же о. Климента, что в последние годы жизни (пребывая на покое в оптинском Иоанно-Предтеченском скиту) батюшка Антоний «под постоянное прямое духовное руководство принимал весьма немногих, преимущественно тех, кто относился к нему в Малоярославце», снова всплывает в памяти достославное имя м. Аполлинарии. Ибо с Малоярославца, в пору настоятельства там игумена Антония, все и началось...

Матушка Аполлинария оставила «собственноручные записки», озаглавленные ею «Мои воспоминания». Судя по дате окончания записок – 10 апреля 1904 года, составлены они были в Петровской пустыни (приписанной к Кашинскому Сретенскому монастырю), где бывшая ошашковская настоятельница пребывала на покое и где отошла ко Господу 7 марта 1906 года. Отдельные записи в этих «Воспоминаниях» посвящены ее первому духовному отцу – Оптинскому старцу Антонию (Путилову).

* * *

30 ноября 1839 года преосвященный Николай, епископ Калужский, неожиданно потребовал о. Антония в Калугу, а 3 декабря поставил его игуменом в Малоярославецкий Николаевский Черноостровский монастырь, с начала текущего столетия получавший настоятелей от Оптиной Пустыни. Нелегко было болезненному старцу расстаться с многолюбным уединением скита, где он чаял скончать дни свои в молитвенном покое... Малоярославецкое настоятельство продлится тринадцать лет – с 1839 по 1853 год. Здесь, в Малоярославце, в начале 1850-х годов и происходит знакомство А.С. Баниной (м. Аполлинарии) с Оптинским старцем Антонием.

«Проживши в Москве пять лет⁹, отец купил имение в Калужской губернии, в Малоярославецком уезде (с. Дубово было тогда уже продано), и мы из Москвы совсем переехали туда на житье. Как я благодарила Бога, избавившего меня от той рассеянной жизни, которую я поневоле должна была проводить в Москве. Здесь же, в Спасском (так называлось новокупленное наше имение), я имела более возможности заниматься чтением душеполезных книг, которые еще сильнее разогрели сердце мое, и мысль моя окончательно утвердилась на избрании уединенной монашеской жизни...»

⁹ Родилась матушка в 1825 году (20 августа) в селе Дубове Кашинского уезда Тверской губернии. С четырнадцати лет жила и училась в Москве.

Преподобный Антоний Оптинский (Александр Иванович Путилов)

Мы попытались разыскать это упомянутое в «Воспоминаниях» матушки село Спасское, откуда начнутся ее поездки в соседний Малоярославецкий Николаевский монастырь.

Современное название этого села, расположенного в девяти километрах от г. Малоярославца, – Спас-Загорье. В XVII веке оно принадлежало одному из местных воевод, боярину Б.И. Лыкову (восстановившему после пожара 1610 года собор Пафнутьев-Боровского монастыря) и называлось Спасское-Лыковщина. До наших дней сохранилась в имении Баниных Преображенская церковь конца XVII века (построенная еще при внуке Б.И. Лыкова – последнем представителе их рода). Она стоит на крутом берегу реки Протвы, в ее излучине, возвышаясь над крестьянскими домами. «В целом это обычный памятник конца XVII века, еще очень традиционный и по плану, и по конструкции... – писал калужский краевед Е. В. Николаев. – Музыкой весеннего праздника звучат кресты Загорья. Это вообще одна из ярчайших страниц нашего прикладного искусства...» Удивительно, что еще в 1960-е годы спасская церковь сохраняла все свое внутреннее убранство: иконостас времени его последнего крупного ремонта (1885 г.), царские врата XVII столетия с резным «виноградным деревом», старинные иконы в ризах первой половины XIX века. В северном приделе уцелел небольшой ико-

ностас конца XVII века с резьбой, похожей на лепнину, и изящной решеткой царских врат. В те годы можно было даже видеть установленную в неглубокой церковной нише деревянную скульптуру «Христос в темнице» (в терновом венце), созданную, как и сам храм, в конце XVII столетия местными мастерами-резчиками. Такой запомнила Преображенскую церковь своего села Спасского юная Анна Банина, уже серьезно помышлявшая об иночестве.

«Но родители мои и слышать не хотели о монастыре, более еще потому, что я с самого рождения была очень слабого здоровья и очень часто хворала. Несколько раз была почти безнадежно больна, и еще за год до вступления в монастырь у меня пошла кровь горлом, которая наконец так усилилась, что родители мои вынуждены были послать в ближайший город за доктором. Доктор приехал, но никакие средства, прописанные им, не помогли – кровь не останавливалась; и он, сказавши отцу, что надежды на мое выздоровление нет, уехал. После отъезда доктора у меня сделались сильные спазмы и колики в груди, так что я в продолжение десяти дней страдала день и ночь, не могла ни лежать, ни спать и не употребляла никакой пищи. Отказавшись от всех лекарств, пожелала я причаститься Святых Тайн и попросила пригласить священника. Нужно сказать, что все это время я была так слаба, что не только встать на ноги, но не могла даже пошевелить ни одним членом; но когда вошел священник со Святыми Дарами, – я встала без посторонней помощи, испове-

дывалась и, приобщаясь Святых Тайн, почувствовала себя совершенно здоровой. Видимо, Господь готовил меня к иной жизни, поэтому и не попустил умереть в миру.

Проживши еще два года в доме родительском, не имея никакой возможности исполнить свое желание, теряя даже надежду когда-либо выбраться из мира, душа моя тосковала и скорбела, так что это сильно стало отзываться и на моем здоровье. Наконец решилась я просить родителей отпустить меня погостить в Москву к одним знакомым, где я имела намерение обратиться за советом к Московскому митрополиту Филарету¹⁰ и у него искать решения своих недоумений. Благочестнейший архипастырь принял меня очень милостиво и, выслушавши мои слова, сказал: “Это у вас призвание Божие к монашеской жизни, берегите это призвание, но до времени не оставляйте своих родителей. Преподобный Сергей также был в затруднительном положении, как и вы, но не оставил родителей, пока Сам Господь не устроил ему этот путь”. При сем владыка утешил меня надеждою на скорое исполнение моего желания. Утешенная архипастырем, с обновленной душой возвратилась я домой и с большим терпением стала ожидать исполнения святительских слов.

Нужно сказать еще, что, возвратясь из Москвы, познакомилась я с настоятелем Николаевского Малоярославецкого монастыря, находящегося в г. Малоярославце, Калужской губернии, в 9 верстах от нашего имения Спасского, – о. игу-

¹⁰ Дроздов (1782–1867).

меном Антонием, славившимся тогда высокою монашескою жизнью и даром прозорливости. Открывши ему о своем желании поступить в монастырь и о неблаговолении на то родителей, передала ему и слова, сказанные мне на этот предмет митрополитом Филаретом, просила его помолиться, чтобы Господь расположил сердце родителей исполнить желание мое. Старец, выслушавши слова мои, положил руку на плечо мое и сказал: “Не грусти, Господь устроит о тебе полезное, ты будешь в монастыре, только положишься на Его святую волю”. При этих словах святого старца я почувствовала неизъяснимое спокойствие и радость в сердце и с покорностью воле Божией ожидала исполнения слов, сказанных мне этими двумя великими старцами.

Не прошло и года, как совершенно неожиданно родители согласились отпустить меня в монастырь, наделили всем необходимым, внесли вклад за меня в обитель. Случилось это так: не решаясь лично говорить с отцом, который был к нам очень строг, написала я к нему письмо, в котором объяснила о своем непреодолимом желании посвятить жизнь свою на служение Богу в сане монашеском, убедительно просила его не препятствовать мне в этом намерении и дать свое родительское благословение на этот путь. Письмо это было отдано горничной, которая должна была подать его отцу, как только он выйдет из своего кабинета. Я же пошла в церковь к обедне, чтобы в молитве излить всю горечь души своей и, вместе с тем, просить Господа расположить сердце родите-

лей исполнить желание мое. Прочитавши письмо, отец сильно расстроился моим решительным намерением поступить в монастырь; но когда мать моя, бывшая до сего времени тоже против моего намерения, вдруг, как бы по внушению свыше, начала уговаривать отца не препятствовать моему желанию, тогда отец, тронутый ее словами, согласился не удерживать меня более в миру.

Когда в 1852 году на семейном совете решено было отпустить меня в монастырь, мать моя поехала в Малоярославский монастырь помолиться и, вместе с тем, переговорить со старцем о. игуменом Антонием. Когда после обедни зашли мы к нему, батюшка встретил нас с радостным видом и пригласил пить чай. Тогда мать моя сказала ему: “Батюшка, мы решили отпустить свою Анюту в монастырь, благословите ее!” При этих словах старец встает и, несмотря на свои больные ноги, кланяется матери до земли. Это дивное смирение старца благотворно подействовало на мою мать, победило все ее недоумения и окончательно расположило к смиренномуудрому старцу.

Возвратившись домой, со спокойным уже духом, мать стала делать приготовления к моему отъезду. Наконец наступил столь давно желанный мною день: это было в 1853 году 2 января. Лошади были уже поданы; нужно было теперь проститься с отцом, который до последнего времени не мог примириться с мыслью, что я уезжаю совсем, и не хотел даже благословить меня. Когда я вошла к нему и сказала: “Па-

паша, благословите меня, я сейчас уезжаю”, тогда отец не выдержал, зарыдал и сказал мне: “Неужели ты в самом деле оставляешь нас?” Тогда мать берет заранее приготовленный ею образ Спасителя, подносит его к отцу и говорит: “Благословим ее, друг мой, и отпустим с миром, видно, на это есть воля Божия, не пойдем против Его святого промысла”. После этого благодать Божия как бы коснулась сердца отца – он успокоился, благословил меня вместе с матерью и отпустил с миром в путь, наделивши всем необходимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.